

A close-up portrait of a man and a woman. The man, on the left, has dark hair and a beard, looking intensely at the camera. The woman, on the right, has long blonde hair and blue eyes, looking directly at the camera. A vertical crack runs down the center of the image, separating the two faces. The background is a soft blue.

*Ксения
Красная*

БЫВШИЕ

НЕ НАВИЖУ... НО ВСЕ
ЕЩЕ ХОЧУ

Ксения Красная

БЫВШИЕ. НЕНАВИЖУ...

но все еще хочу

<https://litres.ru/74345999>

Аннотация

— УБИРАЙСЯ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ ТВАРЬ! — его рёв сотрясал стены, а лицо, когда-то любимое, искажилось в бешеной гримасе. — ЧТОБЫ Я ТЕБЯ БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ! — рычал он, захлёбываясь от ярости.

Он разорвал меня на части 15 лет назад.

Теперь он вернулся. Но не для покаяния. Его ненависть за эти годы не утихла — она переродилась во что-то более чудовищное, более изощрённое.

Он вышвырнул меня на улицу. Беременную. На шестом месяце. Я падала, хватаясь за живот, а он хлопал дверью, оставляя меня в крошечной тьме.

И вот он снова здесь.

— Ты думала, я забуду? — его пальцы сжимают моё запястье, оставляя синяки, дыхание обжигает кожу. — Ты будешь платить. Каждой слезой. Каждым стоном. Каждой каплей крови.

В его глазах — не просто злость. Это что-то глубже, темнее. Одержимость.

Он не хочет просто наказать меня. Он хочет, чтобы я сломалась. Чтобы зависела от него. Чтобы любила его, даже когда буду ненавидеть.

Но он не знает... Я и так сломлена. Но я уже не одна!

Я — его прошлое. Его боль.

Любовь, ставшая пыткой. Ненависть, горящая ярче страсти. И смертельная игра, где проигравший исчезнет навсегда. Где оба — и палач, и жертва — запутаны в цикле взаимного разрушения.

Внимание: жестокий герой, одержимая больная любовь, общий ребенок подросток, сложные герои с тёмным прошлым, принуждение, сцены 18+, психологическая борьба и ад, через который придётся пройти.

Но в конце... нас ждёт сладкий ХЭ. (однотомник)

Содержание

Глава 1 Алеся	5
Глава 2 Марат	9
Глава 3 Марат	15
Глава 4	20
Глава 5 Алеся	27
Глава 6 Марат	33
Глава 7 Алеся	39
Визуалы	45
Глава 8 Алеся	46
Глава 9 Алеся	50
Глава 10 Алеся	54
Глава 11 Марат	61
Глава 12 Алеся	66
Глава 13 Алеся	71
Глава 14 Алеся	77
Глава 15 Алеся	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Глава 1 Алеся

— Дем, скорей, а то опоздаешь на занятия! Я же говорила — сама справлюсь!

Ловлю себя на том, что застыла, любуясь своим сыном, который уже возмужал — четырнадцать лет, как-никак. Де-ма решил помочь мне в нашей пекарне, хотя сам опаздывает в школу. Но он мальчик упрямый: что сказал, то и делает. И сейчас — раз решил, что маме надо помочь, значит, будет помогать.

— Мам, не парься. Даже если опоздаю - пофиг,— подмигивает мне своей озорной улыбкой.

Красавчик мой... И когда он успел так вырасти? Уже не мальчик, но ещё и не мужчина. Уже выше меня почти на голову. Благодаря дзюдо — крепкий, крупный среди сверстников. Черные волосы взъерошены, растрепаны в разные стороны, а взгляд карих глаз — умный, взрослый.

Боже, как же он похож на него.

На того, которого рядом никогда не было. Который, возможно, даже не знает о его существовании. А если и знает — то ему плевать.

Никогда не забуду ту ночь. Проклятую ночь, когда его отец — мой любимый мужчина, мой жених — выгнал меня, беременную, выставил за дверь с одним чемоданом и швырнул в лицо деньги. Позже я узнала, что он женился на другой

и уехал с ней в Европу. На той, которая тоже родила ему сына. Видимо, тот оказался нужнее моего — выросшего в отцовской защите, заботе и любви.

В ту проклятую ночь, когда он меня выгнал, я словно умерла.

Не знаю, как добралась до своей старенькой тети — единственной, кто у меня остался.

С тех пор прошло пятнадцать лет. Многое изменилось. Я прошла через ад, но выжила. Мы выжили — я и мой сын.

— Дем, я отойду, проверю кое-что в подсобке.

Отхожу в поисках формочек и слышу дзинь — звонок открывающейся двери. Покупателей принимать рано, до открытия еще тридцать минут.

— Мы еще не открылись!

Слышу голос Демы, но он звучит странно — звенит настороженностью и злостью. Ощущаю давящую энергетику и торопливо выхожу из укрытия.

Когда я оказываюсь в основном зале нашей маленькой пекарни — я вижу его.

Нет. Нет... Этого не может быть.

"Каково встретить того, кого мысленно похоронил много лет назад, того, кого не надеялся увидеть никогда?"

Сердце пропускает мощный удар, дыхание сбивается, легкие наполняются чем-то тяжелым, словно ядом. Его появление будто сжимает пространство — в висках стучит, мир сузился до одной точки.

Он стоит у двери — высоченный, широкоплечий. В волосах появилась седина, он стал еще массивнее, превратился в матерого мужчину. Уже не в джинсах и футболке, а в дорогом костюме. Взгляд — еще опаснее, циничнее. Хмуро, цепко скользит по мне сверху вниз, потом — прямо в глаза.

И я не дышу.

Словно вся боль, все кровавые воспоминания накрывают меня волной.

Боже... Пятнадцать лет прошло, а боль — будто вчерашняя. Те чувства, что я давно похоронила: как он ухаживал, как добивался меня — скромную, неопытную студентку. Как потом страстно любил, не выпуская из горячих объятий.

Марат. Даже в мыслях я запрещала себе произносить это имя.

Марат смотрит на меня. В его глазах — огонь, удивление. От этого взгляда мурашки бегут по спине, во рту мгновенно пересыхает. Еще чуть-чуть — и я задохнусь.

Сзади ко мне подходит Дема и встает позади, словно давая опору. Конечно, сын понял, кто это. Узнал его — своего биологического отца. Я бы никогда ему не сказала, вычеркнув даже имя, но тетя пару лет назад проболталась. Тогда они тайне от меня нашли его в интернете. В тот день Дема узнал все: что его отец — не бедный строитель, а владелец компании, крутой бизнесмен, который четырнадцать лет живет в Европе с другой семьей.

Марат отрывает от меня взгляд и переводит его на Дему.

Его лицо мрачнеет, взгляд цепенеет. Мне страшно за сына — он не знает, что это за человек и на что способен. А сейчас, ставший еще массивнее, Марат смотрится как хищник — высокомерный, циничный.

— Вы не слышали? — Дема выходит из-за моей спины, полностью закрывая меня собой. Он буквально рычит на незваного гостя. И я знаю, насколько он вспыльчив — весь в своего проклятого отца. — Мы закрыты. Выходите.

Бросает это яростно, сжимая кулаки. Юная копия того, кто сейчас стоит напротив.

Марат смотрит на сына, задерживая взгляд, сужает глаза. Он понял? Впервые видит его — и узнает. Видит сходство, осознает, что перед ним — его кровь?

Я не хочу этого. Он не достоин такого сына. Мне страшно за Дему — я знаю, какую боль может причинить Марат. И моего мальчика он не пощадит.

"В памяти, как вспышки, мелькает картина: Марат, словно в огненном угаре, захлёбываясь адской яростью и слезами, орал мне в лицо, как зверь: — С кем ты трахалась?! С кем?! Чей это выbleдок у тебя в животе?!"

— Понятно, — цинично усмехается он, высокомерно окидывая нас взглядом.

Он поворачивается к выходу - и я чувствую, как трещина разбегается по стенам моего хрупкого мирка, выстроенного с таким трудом.

Глава 2 Марат

Перелёт до Москвы занял два часа — даже не успел заметить. Как только ступил на землю, зазвонил телефон.

— Дружище, когда встретимся? Ты с семьёй? — на том конце провода мой приятель Семён. Сам он недавно вернулся с отдыха, живёт в столице.

— Здорово. Нет, пока один. Семья прилетит позже.

— Так вы остаётесь?

— На время. Пока не приведу в порядок офисы, бизнес в России.

— А жена твоя, дети не против оставаться в России? Они же не привыкшие.

— Ко всему можно привыкнуть. Тем более, ненадолго.

— Ну ладно. Рад, что прилетел. Как семья будет — сразу ко мне на барбекю.

Отключился, даже не дождавшись моего ответа.

Не успел дойти до выхода — новый звонок. Моя любовница. Уже третий год носит этот статус. Удобная девочка. Популярный блогер в «Инстаграме», но для меня — просто игрушка. Заказываю — прилетает. Требую — подчиняется. Единственное условие — верность. Хоть какую-то. В остальном — без претензий. Когда нужно, она рядом: развлекает, поднимает настроение, снимает напряжение, и утихомиривает мою ярость когда накрывает.

— Марат, я так соскучилась! — её сладкий голосок сразу напрягает меня ниже пояса.

Всего пару месяцев назад она была у меня в Швеции. Обычно беру её на неделю-две, снимаю виллу, чтобы не мозолила глаза.

— Когда увидимся? — тянет она.

— Каролина, дела в офисе. До вечера занят. Поужинаем в ресторане.

— Отлично! — радостно щебечет. — У меня для тебя сюрприз. Прошла кое-какие курсы... Тебе понравится. Только скажи, в каком белье хочешь меня видеть, в красном или чёрном?

Кокетливая сучка. Не зря держу её при себе. Знает, что мне нужно, не лезет с дурацкими вопросами, умеет доставить удовольствие.

— Без белья.

Отбой.

На выходе меня ждёт водитель. Сажусь в машину, направляюсь в офис. Дела не ждут.

В России бываю редко, последний раз был три года назад. Тогда же и познакомился с Каролиной — на каком-то мероприятии, где она работала интервьюером. Подошла, заговорила... Ну и понеслось.

Пока машина несётся к офису, в голове всплывает *та* — единственная, о ком я поклялся не вспоминать.

Пятнадцать лет назад я, здоровый мужик, получил нож в

спину. Предательство. Не просто измена — пиздец, после которого осталось только омерзение. К ней. К себе. Как я, блять, допустил, чтобы со мной так поступили? А я ведь жизнь за неё отдал бы без раздумий. Без сомнений.

Сбежал. В Швецию. Женился на другой, которая родила мне сына.

Первые годы *она*снилась мне в кошмарах. То в слезах, то в крови. Просыпался в холодном поту, сжимал кулаки, но ничего не мог поделать. Только глушил это работой — как загнанный скот.

Сейчас, спустя полтора десятка лет, понимаю: да, реакция была жёсткой. Слишком. Может, стоило что-то выяснить... Но зачем?

В Россию прилетал только по делам — встречи, переговоры, и сразу обратно. Будто боялся наступить на ту же землю. Надышать тот же воздух.

Кто-то назовёт это слабостью. Трусостью. Сумасшествием. Не знаю, как это описать — эта хворь, которая годами разъедала меня изнутри.

Но сейчас... Сейчас что-то изменилось.

Злость притупилась. Боль — тоже. Вместо них — ебучее любопытство. Раньше я его глушил, как мог. А теперь...

Хочу её увидеть.

Еще когда собирал чемодан, в аэропорту, ловил себя на этой мысли.

Жива ли? С кем? Как посмотрит на меня?

Чёрт, эти вопросы сводят с ума.

Нет, это не похоть. Даже мысль о прикосновении к ней вызывает отвращение — будто пальцы в грязь сунуть.

Но чертово любопытство гложет.

Прошло пятнадцать лет. Пятнадцать лет, за которые я выжег в себе всё, что было связано с ней. Сейчас я контролирую каждую мысль, каждый вздох. И поэтому спокоен.

Хочу увидеть её.

Поймать этот ледяной взгляд синих глаз на себе. *Словить дежавю той эйфории, того гипноза, от которого когда-то терял голову.*

Губы сами растягиваются в оскале — и мне это противно.

Но... издали посмотреть можно?

Просто любопытство.

Только.

Сидим в лучшем ресторане столицы. Моя любовница - молодая роскошная кукла с накачанными губами и фальшивой улыбкой - кокетливо обводит пальцем край бокала, облизывает губы. Вижу - уже мокнет.

— Когда твоя семья прилетит?

Мой взгляд — ледянеет в сталь. Она мгновенно съёживается.

— Прости, Марат, это не моё дело...

— Запомни раз и навсегда, твоё дело только то, что я позволяю.

Сперва морщится, но через секунду уже снова сияет улыб-

кой.

— Марат, там такое место на Мальдивах... Давай полетим!
Дела подождут!

— Полетим. Но не сейчас.

Она дует губы — профессиональная провокаторша.

Звонок.

Голос начальника службы безопасности. Спину пронзает ледяной пот. Сердце бьётся так, будто хочет вырваться из груди. Ненавижу себя за эту слабость.

— Марат, разузнал. Она вернулась в столицу. Открыла пеккарню. Живёт с сыном...

— Нахуй её сына! — Рычу сквозь зубы, сжимая телефон так, что трещит корпус. Контроль. Чёртов контроль, дыши черт,— Адрес есть?

— Всё в файле.

Вешаю трубку. Telegram. Висит непрочитанное сообщение. Смотрю на него, как наркоман на дозу. Дыхание сбивается. Руки дрожат. Блядь!

В голове — одна ебучая мысль: сорваться сейчас же, вмазать по газам и гнать к этой...

Пиздец.

Я — как этот блядский пёс, у которого слюни по морде текут. Весь трясёсь от этой хуйни. Хочется взять нож и повернуть его в себе — нахуй. Нахуй эту слабость!

Нужно отвлечься.

Каролина чувствует мой адреналин. Её нога ползёт по мо-

ему бедру.

— Какой там у тебя сюрприз? — бросаю сквозь оскал.

Она облизывает губы, хищно прищурившись.

— Прошла курсы... Глубже, чем раньше. Без рук. Только губы и...горло.

— Вот сейчас, и покажешь.

Глава 3 Марат

Я в машине напротив этой крохотной пекарни в тихом переулке. Бирюзовая вывеска, зелёные шторы — выглядит как декорация из чужой жизни. Не мое место. Не мой мир.

А что ты здесь делаешь, Марат?

Кулаки сами сжимаются. Хотел просто увидеть её мельком - как она подходит к двери, поворачивает ключ в замке, исчезает внутри. Один взгляд - и хватит. Развернулся бы и уехал. На этом всё должно было закончиться.

Но судя по свету в окне, она уже здесь. Пришла раньше.

"Хватит." - бормочу себе под нос. Но тело не слушается.

Дверь машины захлопывается с глухим стуком. Шаги через пустынную улицу звучат слишком громко. Каждый шаг - предательство собственных принципов.

Вот и эта чертова дверь. Рука замерла в сантиметре от ручки.

"Ты серьезно?" - резко усмехаюсь самому себе. Но ладонь уже лежит на холодной металлической ручке. Сердце колотится, как у мальчишки.

Слабость. Чистейшая слабость.

Но дверь уже поддается под давлением руки. Распахиваю.

Над головой звеняще бьётся "дзинь" колокольчика.

Врываюсь в эту пекарню, и сразу ошалелый запах свежей выпечки бьёт в нос. Уютно, блядь. Как в киношной Европе.

Первое, что вижу — высокий лохматый пацан в перчатках ковыряется в круассанах. Мгновенно сканирую его:

Не сын. Слишком крупный. Мой пацан в четырнадцать — щенок, а этот... сформировавшийся мужик, почти моего роста. Значит, работник.

Губы сами растягиваются в оскале.

"Ну конечно, — мысленно рычу, — Алеся-дрянь теперь уже любит окружать себя молодняком? Раз уж такой работник у неё..."

Ярость подкатывает волной — горячей, знакомой. Пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки.

Где она?

Шаг вперёд. Пол скрипит под ботинками. Парень наконец-то поднимает голову — и застывает, увидев меня.

Черноволосый лохмач застывает, уставившись на меня. В его глазах — чистая... ярость. Щурясь, ловлю этот взгляд и понимаю: Не работник. Её сын. И, похоже, сука, он меня знает.

— Мы ещё не открылись, — сквозь зубы бросает он, оскалившись со всей злостью.

Что ж, тогда даже интереснее.

Мы стоим, сцепившись взглядами — два оскалившихся зверя по разные стороны прилавка. Внутри — ледяной ступор. Губы сами растягиваются в усмешке. Этот щенок реально скалит на меня? Смешной. Смелый, блядь, мальчишка.

Он делает шаг навстречу, и тут я разглядываю его полностью, сразу видно: обормот полный.

Эти джинсы - будто в них собаки дрались, убитые кроссовки. Будто специально старался выглядеть максимально по-убогому.

Он не отводит глаз. Руки в этих дурацких перчатках сжаты в кулаки. Глупый. Но упрямый.

И в этот момент...

Время останавливается.

Она.

Просто появляется в дверном проёме. Застывает на пороге.

И мир взрывается.

Я вижу её — и это не просто эйфория. Это падение в омут тех самых синих глаз. Всё вокруг гложет, останавливается.

Пятнадцать лет я помнил этот гипноз. Но сейчас — он в тысячу раз сильнее.

Она изменилась. Похудела, стала хрупкой, почти прозрачной. Лицо бледное, только эти глаза — огромные, бездонные — пожирают меня целиком. Вижу в них ужас. Шок.

Волосы, в которых я когда-то тонул, теперь коротко собраны в хвост. Всё в ней другое — и всё то же самое.

Я мог бы стоять так вечно. Полностью под её контролем. Даже не пытаюсь вырваться.

Но этот пацан — её сын — резко заслоняет её собой.

Моргаю. Гипноз слабеет, но не отпускает до конца.

— Вы не слышали? Мы закрыты. Выходите. — дерзко бросает он.

Усмехаюсь.

Ну что ж, Алеся... Это твой выбор.

На автомате разворачиваюсь и выхожу. Дверь хлопает за спиной, но её образ — будто выжжен на сетчатке.

Перехожу дорогу, еле соображая, где левый, где правый. Сигналы машин - как будто из-под воды доносятся. Добираюсь до своей тачки, вваливаюсь в кресло. Дыхание перехватывает - будто грудь бетонной плитой придавило.

Руки сами тянутся к бардачку. Хочется выпить так, что аж зубы сводит. Чёрт, да я же кодировался после неё. Трижды. Потому что последний раз чуть не сдох в собственной блевотине. А сейчас - та же херня. В горле комом стоит эта проклятая жажда.

С дрожью в пальцах выуживаю бутылку воды. Ледяную. Глотаю жадно, часть проливаю на рубашку. Брызгаю в лицо - будто пытаюсь смыть этот ебучий гипноз.

За последние сутки я представлял эту встречу тысячу раз. Прогонял в голове все возможные варианты. Но то, что я сейчас чувствую - это пиздец. Это не поддаётся никаким описаниям. Полный хаос в башке.

Я думал - ну увижу её, и хватит. Ан нет. Эта хворь не ушла. Она просто притаилась на много лет, а теперь вылезла, вся в слюнях и соплях. И мне хуёво. Настолько хуёво, что даже я, знающий себе цену, не ожидал такого пиздеца.

Завожу мотор. Педаль в пол. Надо убираться отсюда. Пока не сделал ещё какой-нибудь хуйни.

Друзья, все визуалы и эксклюзивные материалы по моим героям ждут вас в моем *Tg-канале*— просто найдите «*Ксения Красная автор*».

Почему это важно?

— Для вас: *контент 18+*, уникальные истории, атмосферные образы.

— Для меня: ваша поддержка — это шаг к моему развитию.

Как помочь?

1# *Добавьте мои книги в свою библиотеку* (это повышает их видимость).

2# *Подпишитесь на канал* (если ещё не с нами).

3# *Поставьте звёздочку* (ваша оценка вдохновляет меня и повышает рейтинг моей книги!).

Это займёт у вас пару секунд, а для меня — огромная помощь! Спасибо, что верите в меня!

Глава 4

Алеся

— Я убью его, — рычит Демьян, запирая дверь на ключ, — урод загорелый!

Я осела на пол, но не успела коснуться коленями — сын подхватил меня на руки.

— Даже не страшно за это сесть! Не страшно отсидеть! — продолжает он сквозь зубы, крепко прижимая меня к себе.

Вот чего я боялась больше всего. Обхватываю его шею руками — я знаю, какой он. Знаю, как тяжело ему сдерживать эту ярость. Плохая черта, доставшаяся ему от отца. От Марата. Тот тоже не умел контролировать себя.

Дрожа от страха, прикасаюсь ладонями к его лицу — этот жест всегда его успокаивал.

Потому что именно этого я и опасалась...

— Что ты несешь? Не смей так говорить! А ты хоть подумал обо мне? — намеренно бросаю ему в лицо эти слова. Пусть знает, как он мне дорог. Пусть его мысли вернуться в нужное русло, а гнев — утихнет.

Теперь я понимаю, насколько сильно он ненавидит своего отца. Я не хотела, чтобы он это узнал. Не хотела, чтобы в нём копилась эта злоба. Возможно, рассказала бы сама... когда-нибудь... когда он был бы старше. Но тётя опередила меня, выложив всю правду, как она была, страшной и гряз-

ной. И вот результат — лютый, неконтролируемый гнев. Разве это надо ребенку? нет!

— Я сегодня не иду в школу. Останусь с тобой, — он поднимает меня, встряхивает маленькую бутылку с водой и протягивает.

А я всё ещё не могу прийти в себя. Зачем он здесь? Такой, как он, точно не появился бы в этом месте случайно. Значит, узнал адрес. Значит, пришёл намеренно.

— Всё в порядке, Демьян, правда. Иди в школу, я справлюсь. Его появление... просто недоразумение. Вряд ли он вернётся...

Но я сама в это не верю. Всё внутри сжалось от страха, и я уже ни в чём не уверена.

А Демьян не унимается. Агрессия всё ещё пылает в нём, кулаки сжаты до хруста.

— Нет, я остаюсь! Ты видела, как этот урод на тебя смотрел?!

— Видела... — вырывается у меня шёпотом.

Голос дрожит, и я сама не ожидаю, что этот взгляд так выбьет меня из равновесия. Холодный, оценивающий — будто я вещь, которую когда-то бросил и теперь решил проверить, не испортилась ли.

Марат

Прошло два дня

Шок поутих, мысли снова стали ясными и острыми, как

лезвие. Я вернул контроль. Над эмоциями, над ситуацией, над собой. Может, это самообман, но сейчас мне важно верить, что всё — в моих руках.

Я второй день в этом офисе. Временный кабинет, временный статус — пока разбираюсь с делами после перелета. Местные уже шушукуются за спиной: *"Говорят, жёсткий"*. Пусть боятся. Мне это на руку.

Секретарша — блондинка в строгом костюме — уже третий раз осторожно заглядывает в кабинет. Черт, даже имени её не знаю. Не до того.

— Марат Рустамович, совещание через десять минут, — её голос ровный, будто отрепетированный.

Я перебиваю, даже не взглянув на неё:

— Не за этим. Позвони по этому номеру. Скажи, что от меня. — Бросаю на стол листок с номером и адресом ресторана в пяти минутах от офиса. — Скажешь: "Встреча. 19:00, «Царская Охота». Пусть подъезжает.

Теперь мне мало просто её увидеть. Я хочу услышать её голос, направленный именно на меня. Хочу, чтобы эти губы, которые когда-то шептали моё имя, сейчас произнесли хоть слово — только для меня.

Алеся придет. Потому что я знаю — ей это тоже нужно. Совещание длится бесконечно.

Я механически киваю, подписываю документы, даю указания — всё на автомате, будто моё тело здесь, а сознание где-то далеко. В голове настоящий хаос, и я снова и снова воз-

вращаюсь к той маленькой пекарне с бирюзовой вывеской, к её образу, который не выходит у меня из головы.

Едва совещание заканчивается, ко мне буквально подбегает секретарша. По её встревоженному лицу я сразу понимаю - что-то пошло не так. Но я не даю ей и рта раскрыть.

- Ну что, встречу назначила? - спрашиваю я, уже заранее уверенный в положительном ответе. Ведь как она может отказать?

Но секретарша опускает глаза, и её ответ бьёт по мне, как удар хлыста:

- Простите, Марат Рустамович... Я звонила, но она сказала, что не знает никакого Марата и попросила больше не звонить. Потом заблокировала номер. Я пыталась с другого телефона, она не берёт трубку. Простите... Может, попробовать как-то иначе связаться с этой девушкой?

В этот момент внутри меня будто взрывается вулкан ярости. Каждая клетка моего тела наполняется гневом, таким острым и жгучим, что кажется, будто мою кожу обдали кипятком.

- Не надо. Просто принеси мне кофе в кабинет, - говорю я сквозь стиснутые зубы, стараясь сохранить ледяное спокойствие.

Следующие пять минут я сижу в кабинете, глотаю обжигающий кофе, который жжёт горло, но мне плевать на эту боль. И вдруг меня накрывает приступ такого дикого, маниакального смеха, что даже я сам пугаюсь этого звука. Сме-

юсь, как сумасшедший, как монстр, выпущенный на свободу после долгого заточения.

В этом смехе — вся моя злость, вся боль, всё непонимание. Как она посмела? Как она могла? А в прочем чему я удивляюсь.

"Может, я по-доброму хотел? Может, помочь собрался — деньгами, чем угодно. А она?..»

Но больше всего бесит то, что даже сейчас, сквозь эту бурю эмоций, я продолжаю видеть её глаза. Эти чёртовы глаза, которые не отпускают меня уже столько лет.

Алеся

Уже два дня работаю как на автомате. Страх никуда не делся. Иду на работу — оглядываюсь. Захожу в метро — оглядываюсь. Выхожу, особенно если поздно ночью, — снова оглядываюсь.

С Демой постоянно на связи.

Понимаю, что вряд ли за мной кто-то следит. Зачем я ему понадобилась? Столько лет он не появлялся, не интересовался мной и сыном — ни разу. Почему именно сейчас?

И потом... Я видела, с каким отвращением он на меня смотрел. Да, я уже не та девчонка, что была пятнадцать лет назад, в свои девятнадцать, когда он мог часами не отрывать от меня взгляд. Ревниво поворачивал мою голову, если я даже просто бросала взгляд в сторону другого человека.

Поначалу его маниакальная собственность даже льстила.

Но потом я поняла, насколько он ненормальный.

Мою помощницу из пекарни я уже отпустила. Закрываюсь сама: убираюсь, проверяю замки, выхожу и быстрыми шагами направляюсь к метро.

Это чувство не покидает меня с того самого момента, как он появился на пороге моей пекарни.

Да, я больше не красавица. Не та, что была в девятнадцать. Я даже не помню, когда последний раз покупала себе что-то новое. На мне старое платье чуть ниже колен — серо-коричневое, выцветшее. Коричневый пиджак, волосы стянуты в хвост — я их давно не распускала. Хорошо хоть седины нет.

Со стороны я, наверное, выгляжу как обычная тётка.

Я поворачиваю за угол — и вдруг слышу визг шин.

Два чёрных внедорожника резко останавливаются, перерезая мне путь. От неожиданности я вздрагиваю, отскакиваю назад и чуть не падаю.

А сзади уже стоит огромный бугай в чёрном костюме. Ещё двое выходят из машин и встают по бокам, словно жёсткие скобы, зажимая меня в тиски.

Я даже рот открыть не успеваю.

Один из них распахивает дверь и буквально вкидывает меня внутрь.

Всё происходит так быстро, что я не успеваю вдохнуть.

Оказавшись в салоне, я наконец делаю глоток воздуха — и он пропитан чужим миром. Дорогим парфюмом, кожей си-

дений, металлическим холодом роскоши.

Меня резко затошнило.

С трудом приняв сидячее положение, с трясущимися руками и перекошенным от страха лицом, я медленно поворачиваю голову — и вижу *его*.

Он сидит спокойно, словно ничего не происходит. В сером костюме, с видом человека, который *владеет этой землёй*. Вальяжно раздвинув ноги, он даже не шевелится. Его широкие ладони с загаром лежат на коленях, а массивные часы бросают в глаза слепящие блики.

Я медленно поднимаю взгляд на его лицо.

Сначала оно кажется совершенно бесстрастным.

Но потом...

Его губы — полные, пухлые — вдруг дрогнули.

Один уголок рта медленно пополз вверх, складываясь в дьявольскую ухмылку.

Белые зубы. Острый клык.

И голос, от которого по спине пробегает ледяная дрожь:

— Ну, здравствуй, Алеся.

Глава 5 Алеся

— Как-то не так всё должно было получиться...

Он говорит с предыханием, а улыбка уже сползла с лица.

Конечно, не так, — яростно думаю я, сжимая зубы от отращения.

— Выпусти меня сейчас же! — говорю твёрдо, чувствуя, как дрожь пробирается под кожей.

— Я не понимаю, Алесь... что это за реакция? Мы ведь не должны быть врагами!

Он смотрит на меня пустым взглядом, будто я — случайный прохожий, а не та, чьё дыхание когда-то сбивалось от одного его прикосновения.

— Мы чужие люди. Нам не о чем говорить. Отпусти меня, и я уйду.

— Конечно, чужие, — отвечает он ровно, без тени эмоций. — Но ты не сможешь отрицать, что когда-то мы были... совсем не чужими.

Тянет ко мне свой палец, поддевая выбившуюся прядь, будто имеет на это право. Я резко дёргаюсь и бью по руке — звонко, с ненавистью. Он даже не моргнул, просто убрал ладонь, словно ничего не произошло.

— Тихо, тихо... — шепчет снисходительно, будто я, невменяемый ребёнок, не стоящий даже его раздражения.

— Не прикасайся ко мне! — мой шёпот хрипит от ярости,

всё тело сведено дрожью. Какая же он сволочь...

— Ты права, — отвечает он спокойно, почти равнодушно.
— Поверь, мне есть к кому прикасаться.

— Зачем ты появился? Чего ты хочешь?

Голос срывается — ненависть и страх сплетаются в один клубок.

Он медленно проводит по мне взглядом, холодным и оценивающим.

— Не заносись. От тебя мне ничего не нужно.

Спокойно. Без единой эмоции. Но в этой фразе — такое презрение, словно я даже не человек, а что-то незначительное, недостойное его внимания.

— Не поверишь... — он лениво поднимает руку, указывая на салон машины. — Я всего лишь хотел спросить, как ты поживаешь. Любопытно стало. Вот поэтому мы здесь.

Его пальцы постукивают по кожаной обивке сиденья. *Мы.* Будто это — просто случайная встреча. Будто за дверью не стоят его амбалы, перекрывая мне путь к бегству.

— Как видишь, жива. — Сжимаю зубы, чтобы не выдать дрожь в голосе. Мне отвратительно сидеть рядом с ним, дышать одним воздухом, но показывать страх, значит дать ему преимущество. — Разговор закончен. Я ухожу.

Резко тянусь к ручке, но дверь заблокирована.

Он внезапно разворачивается ко мне всем корпусом, и его лицо искажает наглая усмешка.

— А меня? — Голос низкий, ядовитый. — Не хочешь

спросить, как у *меня* дела?

В его взгляде — насмешка, презрение, божество, снизошедшее до ничтожной смертной.

Молчу. Не хочу спрашивать. Не хочу слышать его голос, эти грязные намёки, этот бессмысленный театр.

— Нет. Мне не интересно. — Снова дёргаю ручку, отчаянно, нервно. — Выпусти меня. Я тороплюсь.

За стеклом мелькает тень одного из его охранников. Безвыходность сжимает горло.

- Тогда не выйдешь, пока не станет интересно, - его голос звучит сладко-ядовито. - Ты же любила наши игры, помнишь?

Я больше не могу.

Слишком долго копилось внутри — годами, каждым проклятым днем. Слишком долго я давила в себе эту ярость, этот ком боли в горле. Но сейчас — хватит.

Резко разворачиваюсь к нему всем корпусом, рука сама взлетает в яростном жесте.

— А ты кто такой?! — голос рвется, срывается на хрип. — Кем ты себя возомнил, небожителем?!

Ладонь с размаху шлепает по его пиджаку — идеальному, безупречно дорогому.

Его лицо сначала искажает удивление — будто он не ожидал, что я посмею. А потом... потом оно снова становится мерзким, ехидным. Он лишь усмехается, медленно поправляя ткань.

Меня *бесит* эта его реакция.

Он смотрит на меня, как на клоуна. Как на жалкую истеричку, чьи эмоции — всего лишь развлечение.

Но я уже не останавлиюсь.

Слезы текут по щекам, но я не вытираю их. Пусть видит. Пусть знает.

— Запомни! — шиплю я, дрожа от ненависти. — Для меня ты, ничтожество. Я тебя не боюсь. Ты не мужчина. Ты никто. И всегда им будешь, даже спустя сотни лет.

И тогда... он начинает смеяться.

Громко. Грубо. Гортанно.

И во времена когда я его знала — никогда не слышала, чтобы он смеялся так отвратительно.

Это не тот смех, что когда-то заставлял меня улыбаться. Не тот, что звучал тихо, когда он прижимал меня к себе ночью.

Это хриплый, омерзительный хохот человека, которому *нравится* моя боль.

Я выплескиваю ему душу — ту самую, что он когда-то изранил. А он... просто ржет мне в лицо, будто я сумасшедшая.

Но потом — все меняется.

Смех обрывается.

Его лицо превращается в маску гнева.

И прежде чем я успеваю среагировать — он резко хватает меня за запястья, с силой вдавливая в сиденье.

— Всё сказала? — шипит он ледяным голосом, без тени

насмешки. — Теперь закрой рот.

Он наконец распахивает дверь и *грубо выталкивает* меня из машины.

— Ковалёв! Отвези эту ненормальную домой. Адрес она скажет.

Я хватаю сумку и бросаюсь прочь, но не успеваю сделать и двух шагов — его люди схватывают меня с двух сторон, железной хваткой впиваясь в руки.

— Отпустите! Отпустите! — кричу я, вырываясь изо всех сил.

Но их пальцы впиваются в кожу так крепко, что завтра останутся синяки — если, конечно, они не сломают мне кости прямо сейчас.

Меня волокут ко второму внедорожнику, я бьюсь, цепляюсь ногами за асфальт, но они даже не реагируют.

Голос охрип от крика, резинка слетела с волос, и теперь они растрепаны, падая на лицо. Пиджак, наверное, порван — мне плевать.

Я продолжаю сопротивляться, пока сзади не раздаётся рёв, от которого кровь стынет в жилах.

— АЛЕСЯ!

Оборачиваюсь — он вываливается из двери своего внедорожника, лицо искажено яростью.

— Они всего лишь отвезут тебя домой, идиотка!!

Орёт, как зверь, словно я — сумасшедшая, а он — благодетель, который заботится о моей безопасности.

Но в его глазах — не забота.

Только злость.

И удовольствие от того, что я бессильна.

Глава 6 Марат

- Алеся Новикова. Проживает с сыном , Демьяном Новиковым. Съемная однушка, переехали в столицу год назад.

Мой начальник безопасности, он же мой дружище, закладывает мне информацию, а я тем временем пробегаюсь глазами по данным на ноутбуке. Мать и сын – только вдвоем. Никого больше. Странно. Помню у нее только тетка была одна.

— Год назад перебрались из Иванова, — продолжает товарищ.

Семён, мой кореш, сидит напротив, вальяжно развалившись в кресле. Он в курсе всей моей истории. Знает про Алеся и тот пиздец, что был пятнадцать лет назад. Так что скрывать от него смысла нет.

— Ну и что собираешься делать? — бросает он, затягиваясь сигаретой.

— Пока хз, — хмуро бросаю я, отрывая взгляд от экрана. Морщусь – мне не нравится эта вся херня.

— За что пацан на учете? — резко поворачиваюсь к начальнику безопасности.

Сейчас мне важно знать про этого пацана – Демьяна. Четырнадцать лет, а уже проблемный. Ну что ж, неудивительно...

Начальник безопасности, перелистывая досье, хрипло вы-

даёт:

— Пацан мозговитый. В Иваново на шахматном турнире взял первое место. Сотку должен был схватить, но эти ублюдки обвинили его в мошенничестве и вышвырнули без гроша. Ну он, естественно, не стал вежливо прощаться — набил морду тому крысе из жюри, который его подставил.

Я усмехаюсь, зажигая сигарету. Новость — как глоток дешёвого виски: горько, но ожидаемо.

— По нему сразу видно — не пай-мальчик. Но мошенничать в шахматах? Серьёзно? — моя усмешка гаснет сама собой. 14 лет. Возраст моего сына...

— Так в том-то и дело, что он не жульничал, — мой начальник безопасности бьёт пальцем по столу. — Предъявил даже видео, как играл чисто. Но когда набросился на того крысу из жюри — его всё равно лишили сотки. Пацан хотел по-честному, но его кинули.

Я прищуриваюсь, медленно переваривая информацию. Не ожидал. — Ну и дела... — усмехаюсь, но без злорадства. Уже не смешно.

Со своего места Семён бросает:

— Ничего смешного.

— Чё, прям восхищаешься? — внезапно срываюсь, чувствуя, как нагреваются уши.

Начальник безопасности хмуро дополняет:

— Дзюдоист. Еще и в гаражах подрабатывает, мопеды,

электросамокаты.

— И чё, запрещёнку не крутит? — цепляюсь я.

— Нет. Чинит.

— Марат, ты чего прикопался к пацану? — Семён вклинивается в разговор, будто я какой-то упырь, готовый ребёнка съесть. — Парень без отца, вот он и не сдержанный. Ты сам в его годы...

Я резко разворачиваюсь к нему, чувствуя, как пальцы сами сжимаются в кулаки.

— Ты за кого меня держишь, а? — шиплю сквозь зубы. — Я не воюю с детьми. Наоборот, хочу помочь его матери, чтобы её сын не стал отбросом, как многие такие как он.

Срываюсь. Ярость подкатывает комком к горлу.

Семён, чёртов провокатор, невозмутимо закидывает ногу на ногу:

— А ты, чёрт возьми, у Алеси спрашивал, нужна ли твоя помощь?

Стол дрожит от моего удара.

— Не спрашивал. И спрашивать не буду. — Каждое слово, как пуля. — Я и так всё вижу. Помощь там нужна. Жёсткая.

В этот момент телефон на столе взрывается вибрацией. Каролина.

Я с силой хватаю трубку:

— Да, слушаю?! — не скрывая раздражения.

— Марат, ты не забыл, что у нас сегодня встреча? — томно тянет Каролина, голосом, от которого у других мужчин подкашиваются ноги.

— Забыл. Дела. — резко бросаю я, проводя ладонью по лицу. Пальцы сами сжимаются в кулаки, когда в голове всплывают вчерашние слова Алеси: "Не трогай меня, ты ничтожество! Не мужчина! И всегда будешь никем для меня!"

Черт возьми, как она меня взбесила! Еле сдержался тогда — аж зубы скрипели. Сейчас, вспоминая её презрительный взгляд, чувствую, как внутри закипает яд. Хотелось в тот момент схватить эту дрянь за горло и... Нет. Сдержался.

Но почему, блин, я всё ещё хочу ей помочь? Сам не пойму. Наверное, просто хочу, чтобы эта стерва наконец поняла, кто я на самом деле. Живёт с сыном в говённой однушке, еле сводит концы с концами, а ещё корчит из себя королеву! Сука!

— Я заеду за тобой, — твёрдо говорю Каролине, переключаясь на текущие дела. — Сначала заскочим по делам к одной... знакомой. Потом, куда скажешь.

— Ну и проведем незабываемый вечер... и ночь. — Голос Каролины сладкий, как отравленное вино. — И надеюсь, на этот раз ты не сбежишь на рассвете?

— Посмотрим как пойдет. — Мои пальцы бессознательно сжимают телефон так, что хрустят фаланги.

Черт, мне сейчас не до ее игр. Но эта чертова разряд-

ка нужна как воздух — иначе взорвусь. Последние дни — сплошное дерьмо со всех сторон. Алеся. Пацан.

Бросаю телефон на стол. Звонкий стук эхом разносится по кабинету.

Ощущаю на себе тяжелые взгляды. Начальник безопасности и Семён переглядываются. В их молчании — целый вагон невысказанного.

— ЧТО?! — рычу, чувствуя, как горячая волна злости подкатывает к вискам.

Семён, не моргнув, бросает:

— Ничего... Только дров не наломай.

В его голосе — не злоба, а... чёрт, да он серьёзно беспокоится?

«Пусть эта дрянь сегодня увидит меня не одного. Пусть видит рядом со мной девушку — красивую, шикарную, из другого мира. А то возомнила себя бог знает кем!» — эта мысль ядовитой змеей заползает в сознание.

В голове снова всплывают её слова, брошенные с такой ненавистью, будто я и правда никто: *"Не трогай меня! Ты не мужчина! Ты ничтожество!"* Каждый слог — как нож под рёбра.

Внезапно накатывает вчерашнее: как её волокли к моему внедорожнику двое охранников. Как она билась, как дикая кошка — царапалась, кусалась. На хрена? Чего добивалась?

Особенно запомнился её взгляд, когда она на секунду пе-

рестала сопротивляться. Глаза – красные от слёз, но полные такой лютой ненависти, что мне, блять, на миг стало не по себе. Я-то что ей сделал? Словно я перед ней в долгу, словно обязан ей жизнью!

Чётко помню, как она сидела вперёд в первой машине с охраной, а я – во второй. Как подъехали к её дырявой многоэтажке. Как она выскочила из машины и помчалась к подъезду, даже не оглянувшись.

И этот момент... Этот чёртов момент! – до сих пор жжёт мне мозг. Я не просто зол. Я в бешенстве, которое разрывает меня изнутри.

Глава 7 Алеся

- Мам, я помогу. С тобой сегодня поеду, у меня первого урока не будет.

Сын говорит это с набитым ртом, уплетая бутерброд с авокадо, яичницу и запивая всё это крепким чаем с тремя ломтиками лимона.

- Дем, правда, не стоит...

«Вспоминаю, вчерашний вечер, как ворвалась в квартиру и сразу — в ванную, лишь бы не столкнуться с сыном.

Странно. Я не так боялась встречи с Маратом, как того, что Дема увидит меня в таком состоянии. Не могла этого допустить. Поэтому — холодная вода, глубокие вдохи, попытки успокоить дрожь в руках и смыть следы слез и страха.

За дверью стук.

- Мам, ты как? Что-то сегодня поздно... У тебя всё в порядке?

Голос настороженный. Мы оба последнее время живём на нервах, вздрагиваем от звонков и шагов за дверью. Из-за него. Из-за моего проклятого бывшего.

- Всё в порядке, сынок, всё хорошо. Сейчас выйду. Ты поужинал уже?

Давила на ровный тон, на спокойный тембр. Даже улыбнулась фальшиво, по-актёрски, лишь бы отвлечь, лишь бы он не понял.

Я не сомкнула глаз всю ночь. Давно уже не рыдала так, что скулы сводило от напряжения. В темноте, под мерный звук капель за окном, ко мне прокрадывались мысли: "Зря мы приехали в столицу. Ошибка. Огромная ошибка."

Я так верила, что здесь будет лучше. Для Демьяна. Для его будущего. Мой мальчик невероятно способный - схватывает на лету, учителя им восхищаются. Всё ради него. Всё. Я знаю - я у него одна, и эти чертовы времена не пощадят его, если я не вытяну нас обеими руками.

Моя цель - своя квартира. Скоро возьму ипотеку. Хочу, чтобы у Демы было всё: своя комната, книги, этот чертов ноутбук, о котором он мечтает. Да, я из тех матерей, что положили жизнь на алтарь материнства. И ни капли не жалею. Поэтому во всем экономлю и сына к этому приучила, возможно это не правильно, но по другому ни как.

Но сейчас, в кромешной тьме, соль от слез разъедает губы, и я впервые допускаю страшную мысль: может, нам нужно бежать. Опять. Сворачивать едва налаженную жизнь, если... если ОН снова появится. Чего он хочет? Мести? Или просто видеть, как я унижена?

Боже, как он изменился. Тот красавец с теплыми руками превратился в... этого. Статный, с хищной осанкой, загорелый - видно, что море для него привычная стихия. Знаю, как на него смотрят женщины - дрожат, млеют, готовы на всё. А он... он смотрел на меня с таким отвращением, будто я не женщина, а что-то недостойное даже его презрения.

"Ты ничтожество", - выпалила я ему тогда. Ложь. Горькая, злая ложь. Он для меня - боль, которая не заживет никогда. Ненавижу. Ненавижу каждой клеткой тела. Но почему тогда, когда его взгляд скользнул по мне с той ледяной безразличностью, мне захотелось провалиться сквозь землю?»

- Мам, ты здесь?

Демьян машет рукой перед моим лицом, выдергивая из тягучих мыслей. Глаза у него внимательные, чуть суженные, видно, что заметил моё отсутствие здесь и сейчас.

— Ба звонит, — говорит он и, не дожидаясь ответа, поднимает трубку, включает громкую связь. — Привет, ба! — голос у него тёплый, чуть хриловатый от утренней сонливости, но в нём уже слышится та самая гримаса взрослеющего мальчишки, который знает, что его любят.

Тётя. Последний родной человек, который у меня остался. Живёт в Иваново, в своём старом доме с огородом и курами, которые, кажется, для неё важнее всего на свете. Я давно хотела забрать её к нам, но она упёрлась: *"Мне тут ещё картошку сажать, ты чего?"*

— Ты как там, мой мальчик? — голос тёти из телефона густой, хриловатый, будто пропахший чаем и деревенским дымом.

Я отворачиваюсь, делаю вид, что копаюсь в шкафу, но на самом деле просто глотаю ком в горле. Когда Демьян только родился, мы жили у неё. Это были тяжёлые годы — она, женщина советской закалки, жёсткая, как скребок для печ-

ки, считала, что я должна была *"взять себя в руки, прийти к Марату и вытрясти из него деньги"*. Она доставала меня ежедневно, твердила про тесты ДНК, про алименты, про то, что я *"слишком мягко его воспитываю"*.

Но потом... потом Демка начал читать в четыре года. Считать — сложные примеры в пять. В школе его сразу перевели на класс старше. И тётя... изменилась. В её глазах он перестал быть *"ошибкой, которую надо исправлять"*, а стал *"её мальчиком"*, гением, гордостью. Теперь они могут говорить часами — она поддерживает его во всём, шутит, смеётся, и в её голосе слышится та самая нежность, которой мне так не хватало в детстве.

Я этому рада. Правда.

Но иногда, глядя на них, я ловлю себя на мысли: *"А если бы он был обычным ребёнком? Если бы не блистал умом? Любила бы она его так же?"*

- Всё хорошо, ба, — отвечает Дема, на ходу заглатывая последний кусок и запивая чаем с лимоном.

- Где Алеся?

Господи, вот оно начинается. Её голос уже звенит той особенной ноткой, от которой у меня автоматически сжимаются плечи.

- Тётя, я здесь, — отзываюсь я, и мои ладони сами собой поднимаются к лицу, будто пытаюсь закрыться от надвигающейся бури. Предчувствие не обманывает, сейчас будет армагеддон.

- Ты почему мне не сказала, что твой козлина бывший вернулся? Что за дела? У него что, шапка загорелась? Боится, что Демьян на наследство покусится? Давно пора до Президента достучаться, этого урода на весь свет опозорить!

Мои пальцы впиваются в виски. Господи, зачем Дема ей рассказал?..

- Тёть, прекрати, – глухо говорю я, проводя ладонями по лицу, будто пытаюсь стереть эту ситуацию. Но она уже разошлась.

- Что значит 'прекрати'? Вечно ты мямлишь! Поэтому до сих пор одна! Молодая, красивая – и что? Всю жизнь страдаешь по этому уроду! Когда уже за себя постоишь?! – её голос режет слух, и я чувствую, как внутри всё сжимается. Не сейчас... Не после вчерашнего... Я и так как выпотрошенная, еле держусь. Если бы Дема знал всю правду...

- Ба, не парься, если ещё раз появится, я ему морду набью, – неожиданно вступает Дема, и в его голосе такая самоуверенная интонация, что меня передёргивает. Чёрт, это же точь-в-точь как у... Нет, только не это. Только не его тон, его манера. Надо срочно переводить разговор.

- Всё, хватит! – резко обрываю я. – Тёть, мы тебе перезвоним. Демьян, собирайся. Так, мне кто-то хотел помочь сегодня в пекарне? — резко перевожу я разговор, хватая его за плечо. Но тетя Таня, как танк, продолжает свое:

— Морду ты ему еще успеешь набить, мальчик мой! Ты ему лучше скажи, что ты первый наследник! Всё, что у него

есть, по закону твое! Паразит! — ее голос гремит из динамика, и я вижу, как Демьян напрягается, его пальцы сжимаются в кулаки.

— Мне не нужны его деньги, — спокойно, но с ледяной уверенностью говорит он. — Я вырасту и сам его уничтожу. И не волнуйся, никакого криминала, всё будет чисто, по-честному.

Боже, вот только этого не хватало. Эта тема, этот яд, который она вливает в него. Зачем? Зачем она рассказала ему всё это? Она отняла у него детство, превратила его в маленького мстителя, который теперь растет на этой проклятой ненависти.

— Всё, тетя, прекращай! Нам пора! Я с тобой потом поговорю! — почти кричу я, вырывая телефон из рук Демьяна и резко нажимая "отбой".

Мои руки дрожат. Все доводы о том, что она совершила огромную ошибку, сейчас бесполезны. Нужно ехать. Лично. И объяснить ей, что она перешла черту.

все визуалы по героям у меня в тг "Ксения Красная Автор" : завтра продолжим)) пс постораюсь и сюда скинуть визуалы

Визуалы

Алеся Новикова, 34 года

Марат Булатов, 39 лет

Демьян Новиков, 14 лет

Каролина, любовница Марата 28 лет

Глава 8 Алеся

Мы уже в пекарне. Дема помогает мне до открытия — разгружает с машины свежую выпечку, аккуратно раскладывает по витринам румяные круассаны, булки с корицей, пирожки с вишней. Руки у него быстрые, движения точные, помощник.

Как же тяжело мне далось это место. Сколько ночей без сна, сколько слёз, сколько раз я хотела всё бросить. А теперь... Теперь в голове вертится одна мысль: *«В случае чего — закрыться. Свернуть всё. Бежать.»*

Приходит моя продавщица, и я отпускаю Дему в школу — сую ему в рюкзак пакетик с ещё тёплой выпечкой с маком, которую он обожает.

— Не опаздывай, — говорю, поправляя ему воротник.

Он кивает, уходит, а я остаюсь с этой, душной пекарней, которая вдруг стала и крепостью, и клеткой одновременно.

В середине дня отпускаю продавщицу на обед. Пекарня пустеет, и я наконец могу присесть, ноги гудят, спина ноет. Наливаю кружку зелёного чая, обжимаю ладонями греюсь.

Стресс последних дней, снова появившийся Марат, разговор с тётей, слова Демы... Всё это выпило из меня все силы. Я будто выжатый лимон — пустая, кислая, и даже сахарная пудра на витрине не добавляет сладости этому дню.

Делаю глоток. Закрываю глаза.

Ложка звякнула о край кружки, когда я услышала звон входного колокольчика. Так всегда - стоит только захотеть передохнуть, как сразу клиенты. Поворачиваюсь к входу - и хорошо, что стакан, успела убрать. Руки дрогнули бы, и кружка разбилась бы вдребезги.

В дверях стоит Марат. Но не один. Рядом с ним - высокая, ослепительная девушка. Такая яркая, что перед ней я чувствую себя выцветшей молью рядом с тропической бабочкой.

Гнев и отчаяние сжимают горло. Перевожу растерянный взгляд на Марата. Он стоит невозмутимый, довольный собой, будто сошедший со страниц Forbes. В его обтягивающих чёрных брюках, кажется, вот-вот лопнут швы от накачанных бёдер. Белая рубашка из тончайшей ткани облегает массивный торс, подчёркивая каждый рельеф мышц.

Он заполнил собой всю мою скромную пекарню, его дорогой парфюм перебил аромат свежей выпечки. Стало нечем дышать. А он... он даже не удостоивает меня взглядом.

— Здравствуй, — бросает он через плечо тем тоном, каким хозяин обращается к прислуге. Тонем, не оставляющим сомнений, здесь он главный, а я всего лишь персонал в «его» булочной. Будто не его пальцы впивались мне в запястья прошлой ночью, будто не его дыхание обжигало лицо, когда он шипел в него ненавистью.

Его ладонь, широкая, с позолоченными часами на запястье, скользит по талии спутницы, демонстративно притя-

гивая её к витрине. Даже не удостоил меня взглядом.

- Будешь что-то? — спрашивает он её бархатным голосом.

Голос у него низкий, обволакивающий, с такой интимной ноткой, что можно сгореть заживо от одного только звука. Она хихикает, прижимается к нему, и мне хочется схватить поднос и запустить им в эту слащавую парочку.

Но вместо этого я стою, как идиотка, сжав кулаки под прилавком.

— У нас перерыв,— выдавливаю я, но мой голос звучит так жалко, так тихо, что они даже не оборачиваются. Будто я призрак. Будто меня нет.

А он... Боже, как же он её трогает. Его огромная загорелая ладонь скользит по её талии, пальцы впиваются в бок, будто проверяя, насколько она хрупкая. Он тыкает пальцем в круассаны, что-то шепчет ей на ухо, и она заливается смехом, будто он только что рассказал самый похабный анекдот на свете.

И всё это — в моей пекарне. В моём единственном месте, где я должна чувствовать себя сильной. Где я хозяйка!

А сейчас я здесь — никто.

И самое мерзкое?

Он это знает.

— Может быть, эти? — его палец стучит по стеклу витрины, а он сам поворачивается к ней с таким взглядом, словно они не в пекарне, а в дурном романтическом фильме, где вот-вот начнётся откровенная сцена. Мне уже тошно.

— Ты же знаешь, Марат, я не ем такое, — кокетливо тянет его спутница, и её голос такой сладкий, что, кажется, даже воздух вокруг стал липким. Если она ещё раз так скажет, вся выпечка склеится в один ком.

А я всё ещё стою, как дура, смотрю на них и пытаюсь хоть как-то встрять в этот их пошлый спектакль. Хотя могла бы взять электровеник и вымести их отсюда к чёртовой матери. Но нет — мне не хватает смелости даже на это.

— Кхм... у нас перерыв. Мы никого не обслуживаем, — повторяю я громче, наконец находя в себе силы говорить твёрже. Я не собираюсь участвовать в его унижительном шоу. Не позволю ему издеваться надо мной. Не думала, что он опустится до такого дешёвого клоуна.

Через два часа еще одна глава

Глава 9 Алеся

Наконец они оба поднимают на меня глаза, будто только сейчас замечают, что в пекарне есть ещё кто-то, кроме них. Я застываю под их взглядами.

— Вы не обслуживаете клиентов? — Марат смотрит на меня с глупой ухмылкой, словно видит впервые. Как будто я просто какая-то невнятная продавщица, которая отказывает посетителям из-за собственной вредности.

Я теряюсь. Стою, сжав кулаки, и не знаю, стоит ли продолжать этот идиотский диалог.

— Марат, поехали в другое место, — его спутница бросает взгляд вокруг с таким презрением, будто моя пекарня, это грязный подвал, а не уютное место, в которое я вложила душу. Потом её взгляд останавливается на мне, и в её глазах читается такая жалость, что хочется исчезнуть.

Она, конечно, не станет есть эту «дешёвку». Она завтракает, обедает и ужинает только в мишленовских ресторанах. А я... я просто жалкая тень на фоне их сияющего благополучия.

Но хуже всего — это Марат. Он смотрит на меня, и в его глазах читается что-то вроде... удовольствия. Ему нравится, как я корчусь.

И я ненавижу себя за то, что до сих пор не могу просто вышвырнуть их вон.

— Иди в машину, я сейчас подойду. - бросает он ей не отрывая от меня взгляда.

— Хорошо, только не задерживайся, милый, — воркует она так слащаво, что аж тошнит. Она даже не ревнует, не чувствует конкуренции я похоже даже не женщина в ее понимании, раз она спокой уходит даже не обернувшись, виляя перекаченной попой.

Боже, и ведь это сводит мужчин с ума, вся эта фальшивая кокетливость, за которой уже ничего настоящего. И дело даже не в теле, а в самой ее сути, в каждой пластичной улыбке, в каждом наигранном взгляде.

Наконец эта искусственная, почти карикатурная девица выходит, а меня трясет от такой злости, что я перехожу на автопилот — руки сами хватают ванильный крем в тюбике, и, не соображая уже, что делаю, я с силой вдавливаю его.

ПШИК!

Крем стреляет прямо ему в лицо.

Он застывает, ошарашенно моргая. По его высокомерно-му лицу медленно сползает белая жирная полоса.

— ВОН! — рывкаю я в его измазанную физиономию, — Иначе я вызываю полицию!

Сама знаю — звучит жалко. У меня против этого чудовища нет шансов. Меня трясет так, что зубы стучат — выброс адреналина, дикая злость, и всё это *совсемна* меня не похоже.

— Охренела! — Марат говорит это с такой яростью, что в воздухе тут же повисает угроза. Он проводит пальцем по

крему на щеке, медленно облизывает его, не сводя с меня глаз.

— Ты всегда была ревнивой кошкой... но хоть сдержанной. Возраст, похоже, отупил тебе мозги. Или... тебя давно не трахали.

Он говорит это медленно, обходя прилавок. И пусть он весь в креме, пусть нелепо капает с его подбородка — это не делает его смешным. Напротив. Он все такой же пронизательный, невозмутимый и высокомерный.

А потом он подходит ко мне.

Вплотную.

Я забываю дышать.

Забываю, какой он огромный и высокий.

Он — как тень. Перекрывает собой весь свет.

«Воспоминания обжигают, как прикосновение раскаленного металла. Юная, неопытная, я.

- *Какая ненасытная...* - его хриплый шепот до сих пор живет под кожей. Он дико вдалбливался в меня без остановки снова и снова словно молот.

Он покупал мне эти кружевные ловушки, дорогие и откровенные. Стоял в дверном проеме, напиваясь моим смущением.

"Повернись. Покажи себя."

Я краснела до кончиков пальцев, но повиновалась. Его взгляд — тяжелый, медленный, обжигал сильнее любого прикосновения. В те моменты я готова была на все, лишь бы он

продолжал смотреть.

Теперь понимаю - это была не просто страсть. Это была, дрессировка. Он раскрыл во мне ту девушку, что пряталась за скромностью. И даже сейчас, ненавидя, я чувствую - часть той девушки все еще хочет его.

"Еще..." - эхом звучит в памяти его команда. И тело, предательски, отзывается дрожью.

На секунду я снова тону в этом взгляде — в его омуте, где смешались власть, сила и та самая притягательность. Хочется забыться, стать слабой, позволить ему решать всё... Но я резко моргаю — и злость накатывает с новой силой, сжигая весь этот бред.

— А-а-а! — с криком делаю выпад коленом, целясь ему в пах.

Но Марат — как всегда, чертов провидец — ловит меня в медвежьих объятиях, резко разворачивает спиной к себе и с хрустом прижимает лицом к прилавок. Дерево впивается в щеку, пахнет ванильным кремом и моим страхом.

— Сука, — шипит он прямо в ухо, и от горячего дыхания по спине бегут мурашки. — Сама виновата. Не даешь нормально поговорить. А я, между прочим, с предложением... От которого ты не сможешь отказаться.

простите за задержку, хотела еще анонсировать новинку, но она выйдет сегодня ночью. как вам визуалы, скидывать еще?))

Глава 10 Алеся

— Отпусти, больно! — еле выдавливаю из себя, в горле ком.

Он резко разжимает пальцы, отступает на шаг, лицо напряжённое. Я выпрямляюсь, поправляю сбитое платье, грудь вздымается часто-часто, как у загнанной птицы.

— Больше молчать не буду! — дрожу, но не от слабости, от той самой обиды, что годами точила душу. - Ты думаешь, у меня нет средств? Я добьюсь запрета. Чтобы ты не смел подходить ни ко мне, ни к моему сыну, даже на пушечный выстрел!

Марат хмуро впивается взглядом в моё лицо, устало проводит пятернёй по чёрным волосам.

— Алеся... — тянет он моё имя, и на секунду в его глазах мелькает что-то неуловимое. — Пойми, я тебе не враг...

Не даю договорить.

— Нет! Ты хуже врага. Враг хотя бы не притворяется. А ты... ты вышвырнул нас, будто мы не люди, и нам, место на помойке. А теперь являешься, как ни в чём не бывало, ведёшь себя, будто вправе распоряжаться нашей жизнью! Просто исчезни. Забудь. Как не вспоминал пятнадцать лет — так и живи дальше!

Его лицо искажает гримаса, взгляд становится резким, тревожным.

— Тебе напомнить, что было?! — он яростно вытирает ладонью лоб, сжимает кулак. — Напомнить?! — делает шаг вперёд, кулак с размаху бьёт по столу. Древесина глухо стонет. — Не смей нести эту чушь! Я бы никогда тебя не бросил. И даже сейчас... -Голос срывается. — Даже сейчас, проглотив всю гордость, я пришёл, чтобы помочь. Тебе. И твоему сыну.

— Господи, да не нужна нам твоя помощь! — уже кричу на него.

Наступает тяжёлая пауза. В пекарне слышно только наше прерывистое дыхание. Потом — дзынь — дверь открывается. Заходит посетитель.

Марат резко подаётся вперёд, и мужчина, увидев перед собой разъярённого здоровяка, замирает на секунду, затем быстро отступает и выходит. Дверь захлопывается. Марат поворачивает табличку на «Закррито».

— Что ты делаешь?! Это мои клиенты! Моя пекарня!

— Твоя, твоя, — передразнивает он, разворачивается ко мне и снова приближается вплотную. Я отступаю, пока спина не упирается в стену. Его руки упираются в неё по бокам от моей головы. Он наклоняется так близко, что наши дыхания смешиваются.

— Вот. Теперь мы поговорим, Алесь.

Я закусываю губу, отворачиваюсь, но слёзы уже текут по щекам.

— Тише, тише... — Он грубо вытирает их большим паль-

цем. – Ну чего ты такая дёрганная? Ты чего? – В его голосе странная смесь удивления и раздражения, и наигранной ласки.

Он подхватывает мой подбородок, заставляя посмотреть на него.

– Думаешь, мне от тебя нужно это? – Его взгляд скользит вниз, оценивающий, высокомерный. – Алеся, ты слишком высокого о себе мнения. Даже если бы я очень захотел, на тебя уже не встанет. Я здесь точно не для этого.

Ненавижу. Ненавижу, как он говорит это – так мерзко, так унизительно. Будто я и правда никчёмная, нежеланная, измученная тень женщины. А его ухмылка, его холодные глаза только подтверждают: он именно так и думает.

Я снова пытаюсь отвернуться, но он резко хватается моё лицо, заставляя встретить его взгляд.

– Я думаю, ты сама убедилась, что мне от тебя точно это не нужно, – кивает он в сторону выхода, куда недавно вышла его спутница в обтягивающем платье. – Убедилась? А теперь успокойся, приди в себя. Хватит реветь, ты уже не юная девица.

Он ухмыляется мне в лицо. От него пахнет мятной и дорогим парфюмом. Грубо вытирает мои слёзы большими пальцами, словно стирает пыль с мебели, и улыбается, будто ничего не произошло. Придурок.

– Говори уже, зачем ты пришёл? – толкаю его со всей силы в грудь, в эту каменную, непробиваемую стену. Он спе-

циально напрягает мышцы, чтобы рельеф стал ещё заметнее. Горячий. Неподвижный. Я понимаю, что не смогу сдвинуть его, и опускаю руки.

Наконец он отходит, засовывает руки в карманы и начинает медленно обходить пекарню, осматривая каждый уголок с преувеличенным интересом.

– Я хочу купить тебе квартиру.

Говорит это спокойно, продолжая изучать помещение. А я застываю, пытаюсь переварить его слова. В глазах темнеет.

– Нет, – шепчу почти беззвучно.

– Что ты сказала? Говори погромче, Алеся. – Его голос снова становится резким, он делает шаг ко мне.

Я горько хмыкаю:

– Так ты решил откупиться? За все эти годы? Совесть замучила? – Окидываю его презрительным взглядом с ног до головы. Как же это несправедливо – такой красивый и такой гнилой внутри.

– Совесть у меня чиста. Не беси меня! – Он внезапно взрывается, лицо искажается от ярости. – Не заставляй меня орать тебе в лицо, какая ты шлюха!

Брызги слюны долетают до моей кожи. Я не отступаю.

– Шлюха? – Голос дрожит, но не от страха, от ненависти. – Шлюха, это ты и твоя девка, Марат. – Тычу в него пальцем, будто хочу проткнуть насквозь.

– Я сделаю вид, что не слышал этих грязных ругательств, из твоего ротика Алеся, — дьявольски ухмыляется он, глаза

холодные, как лезвие. — Вечером за тобой заедут, отвезут в агентство, выберешь квартиру, какую хочешь. Не скупись, бери любую, о деньгах можешь не думать.

– Я никуда не поеду.

– Поедешь, — он разворачиваясь к выходу. — Если не поедешь, я заставлю.

Остановившись возле двери, поворачивает ко мне голову.

– Или мне придётся поговорить с твоим сыном. Может, он окажется умнее.

Стоит ему упомянуть сына – и я взрываюсь.

– Господи, какая же ты скотина! Бесчеловечный! Не смей даже приближаться к нему, НИЧТОЖЕСТВО! – кричу уже на грани истерики, голос рвётся.

Кажется, переборщила. Его лицо искажается. Дверь с глухим стуком захлопывается, и он стремительно пересекает помещение, в два шага оказываясь передо мной.

– Буду подходить, – шипит, брызгая слюной. – И к тебе, и к нему. А если так переживаешь, проведу с ним воспитательную беседу. Например, о том... что мухлевать в шахматах нехорошо.

Воздух перехватывает. В глазах темнеет от ужаса.

Не думая, бью его в лицо изо всех сил. Он даже не пытается уклониться – удар приходится в скулу. Когда замахиwaюсь снова, он ловит мои запястья, сжимает до хруста и прижимает к стене над головой.

– Ты примешь мой подарок. Молча.

Дыхание его горячее, злое.

— Если не ты, значит, его примет твой сын. И ещё... Я требую, чтобы он уважал меня. Как важного дядю. Которого знает его мама.

Губы его искривляются в омерзительной усмешке.

— И чтобы больше не бросался на меня глазами, как борзый щенок. Советую тебе со мной дружить Алеся.

моя новинка (полный апгрейд, эта книга была удалена, но она вернулась, и даже больше теперь она участник моба "Жажда") , очень нужны ваши подписки и лайки, для продвижения и мотивации писать каждый день.

##"Такой провокационной истории ещё не было на Litnet! Рискните прочесть — и уже не сможете забыть..."

— И давно ты мне изменяешь с... ней? Я забеременела, и теперь ты находишь меня противной?— громко всхлипываю, осознавая, насколько унижительно звучат мои слова; я никогда не чувствовала себя такой униженной и жалкой.

— Что ты наделал, Андрей?

— Не говори ерунды, Мах...— он кривит лицо, словно испытывает боль. *— Это совсем другое, я всё объясню, просто мне нужно, чтобы ты успокоилась.*

— Яна — это другое?— нервно смеюсь.

— Всё не так. Я понимаю, как это может выглядеть со стороны. Пойми, Мах, я мужчина, популярный футболист,

*Яна — это как дорогая брошь, ценное украшение. Она...
Что?!*

ЭТОТ РОМАН ВЫЙДЕТ ЗА ГРАНИ ДОЗВОЛЕННОГО:

✓ *Беременная героиня* — нежная, сломанная, но... безумно желанная.

✓ *Сосед-захватчик* — хмурый, опасный, и он не спросит разрешения.

✓ *Секс на грани табу* — страсть, которая шокирует даже опытных читателей

✓ *Игра с огнём* — чем опаснее их связь, тем сильнее зависимость

Добавляйте в библиотеку — если осмелитесь.

Эта книга — участник моба "Жажда" Вы готовы к такому чтению?

Она останется с мужем... или отдастся тому, кто забрал её без права на отказ?

Глава 11 Марат

Выхожу из пекарни. Меня трясет, колбасит – адреналин выжег всё дотла. Мозг отключен, только ярость гудит в висках, тело сводит от этой долбаной тряски.

Ненависть. Ко всему. К ней. К себе – лютой, гнилой волной подкатывает.

Опять не сдержался. Опять перегнул. Искать её не стоило, но теперь поздно. Горло рвёт, грудную клетку сжимает – будто кто-то крюками под рёбра зацепился. Но одно знаю точно: меня уже зацепило. И я не отступлю.

Сажусь в машину. Каролина уткнулась в телефон, даже не взглянула.

— Поедем в ресторан?

Её голос – как стекло по нервам. Не вопрос, а тупое упрямство: *вот, давай, сделай, как я хочу*. Но я даже не слышу её. Звук где-то далеко, за слоем свинцовой дымки в голове. Всё раздражает. Её духи, этот сладкий, приторный запах. Её присутствие. Её дыхание. Мне бы сейчас одного – чтобы зверь внутри успокоился. Но он не успокоится. Он рвёт клетку, режет когтями по рёбрам.

— Тебя куда отвезти?

От удивления отрывается от экрана.

— Что?

— Я сказал, куда тебя отвезти? Дела есть. Давай быстрее.

Даже не смотрю в её сторону. Просто чтобы исчезла. Чтобы тихо было.

Водитель уже трогает.

— Марат, что опять не так? Я время нашла, а у тебя, как всегда, проблемы! Ты меня прогоняешь?

Тянется, хватается за запястье.

Как будто кислотой плеснули.

— Отвези её туда, откуда взял.

Нахуй. Нахуй эту всю игру.

Меня мутит. От себя. От этого пиздеца.

В голове – дерьмо. Воспоминания. Этот разговор, где я ляпнул про сына. На адреналине вырвалось – а такое нельзя было говорить *никогда*. Но я не сдержался. Добил. И теперь это гложет, как ржавый гвоздь под ребром.

Даже не помню, как отвезли Каролину.

Не знаю, что она говорила, когда выходила. Не слышал. Не видел.

Мне было настолько *похуй*.

Мозг уже выжжен дотла. Осталось только это – пустота, заполненная *ею*. Той, которая сейчас боится моего звонка. Той, от чьего голоса у меня сжимается всё внутри.

В офисе. Пытаюсь вникнуть в дела, но хуй там. Всё вываливается из головы. Сердце – кусок свинца, тяжёлый, холодный.

И самое пиздецовое – я *хочу её видеть*. Прямо сейчас. Если не увижу – сдохну. Не метафора. Будто воздух перекры-

ли. Чем дальше от неё – тем больше во мне труп. Рядом с ней – хоть как-то дышу. Рядом с *ней* – не так страшно.

Страшно только от себя. От этой ебучей ненависти, которая разъедает изнутри.

Набираю водителя. Помощнику кидаю задачу – найти ей квартиру. Хорошую. Близко к школе. Чтобы ребёнку норм. Потом звонок шофёру:

— Забери её. Будь у пекарни за полчаса до закрытия.

Весь день – как в тумане. Мир застыл. Будто не дышу. И в эти секунды пустоты ловлю себя на мысли: *Как я вообще жил без неё раньше?*

Пятнадцать. Годов. Пустоты.

Словно и не было их. Я жил на автомате – в спячке, в полумраке. Дышал, но не чувствовал воздуха. Шёл, но не видел дороги.

А теперь – она.

И всё, что было до неё, – просто пыль. Пиздец. Но назад дороги нет.

Звонит телефон. Голос водителя:

— Пекарня закрыта.

Всё. В груди – новый выброс адреналина, перемешанного со страхом. Рука сама тянется к телефону. СМС: *"Зря ты так поступила. Очень зря. Просил же быть адекватной. Но ты сама напросилась."*

Вскакиваю, хватаю ключи. На работу, на встречи – плевать. Помощница что-то кричит вслед про отмены, но я уже

за дверью.

Сажусь за руль. Адрес знаю наизусть. Эта убогая многоэтажка в грязном районе. Перед подъездом глушу двигатель. Тело дрожит - не от холода, от дикой внутренней тряски.

Набираю её номер. Не пишу - звоню. Потому что терпения нет. Потому что если не услышу её голос сейчас - сойду с ума.

Еле успевал тормозить на поворотах. Не видел дороги, светофоров, машин. Сам пугаюсь своего состояния.

Трубку берут.

"Алё?"

Её голос. Только один звук - и меня накрывает волной облегчения. Глаза сами закрываются от этого наслаждения.

- Я у твоего подъезда. Поговорить надо, Алесь. Не спустишься - поднимусь сам.

Пауза. Слышу, как она переводит дыхание.

- Я... Сейчас спущусь.

В её голосе - чистый, животный страх. Ни капли любопытства или желания встретиться. Только тревога и безнадежность.

И это бесит ещё сильнее. Неужели я настолько ей противен? Неужели она так боится одного моего присутствия?

Кулаки сжимаются сами собой. Знаю - сейчас увижу её испуганные глаза. И это будет пытка. Для нас обоих.

"Предупреждала же – будет жёстко. Следующая глава

– это дно. Марат окончательно теряет берега, и вам это не понравится.

Не ждите раскаяния. Не ждите "хэппи-энда" посреди ада. Он сломан, зол и готов сжечь всё – включая себя.

Кто-то из вас захочет закрыть книгу. Кто-то – швырнуть её в стену. Но вы дочитаете. Потому что уже слишком поздно отворачиваться.

Вы предупреждены."

Глава 12 Алеся

Он позвонил.

Я понимаю - нужно спуститься. Если он поднимется сам... Нет, только не это. Сын не должен видеть, не должен тревожиться - у него завтра экзамен.

Дема сидит на кухне, уткнувшись в планшет. Хмурится, решает какие-то задачи, пальцы нервно постукивают по экрану. У меня сводит живот - как объяснить, зачем мне сейчас уходить?

-Дем, я... в магазин на минутку. Быстро-быстро, - выдыхаю первое, что приходит в голову. Магазин у дома, безопасное вранье.

-Ага, - бросает он, не отрываясь от экрана. - Хочешь, с той пойду?

-Нет-нет, занимайся. Все хорошо.

Натягиваю первые попавшиеся лосины, мешковатую майку. Без макияжа, волосы спрятаны под капюшон. Пусть видит - мне плевать на внешность, давно плевать. Накидываю старую куртку, выхожу в подъезд.

Лифт едет мучительно долго. Сердце колотится так, что кажется - вот-вот выпрыгнет. Кровь стучит в висках, пульс отдается в шее. Тревога сжимает горло.

Выхожу во двор - и вижу его. Марат. Вальяжно облокотившись на черный, до блеска начищенный автомобиль. Смот-

рится здесь, на этой богом забытой улице, как инопланетянин – дорогой костюм, уверенная поза, сигара в руках. Заметив меня, бросает окурок, давит его подошвой обуви.

Подхожу ближе. Он открывает рот, но я резко хватаю его за запястье, тащу подальше от окон. Он удивленно приподнимает бровь, но молча следует за мной. Эта ухмылка... Все та же. А я кажусь себе такой маленькой рядом – он выше на полторы головы, его тень полностью накрывает меня.

– От кого прячемся? От сына или... – Он прижимает меня к обшарпанной стене, холод кирпичей проступает даже через куртку. – У тебя там мужик?

Его дыхание горячее. Слишком близко. Слишком знакомо.

– Да, представь себе, от мужика! И не одного! Тебе-то что? – шиплю, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

На мгновение в его глазах вспыхивает что-то первобытное – зрачки расширяются, чернеют, будто вбирают весь свет вокруг. Кажется, сейчас он разорвет меня на части.

– Ты, я смотрю, совсем потасканная стала, раз их у тебя много.

Каждое слово – как удар хлыстом. Они падают между нас, оставляя кровавые полосы на моей самооценке. Почему? За что эта злоба?

– Какой же ты идиот... – выдыхаю, чувствуя, как предательски щипят глаза. Голос срывается, но я не позволю себе заплакать.

- Тогда закрой рот. Не зли меня.

Его кулаки с грохотом врезаются в обшарпанную стену по обе стороны от моей головы. От ударов сыплется штукатурка, но я даже не вздрагиваю — слишком оцепенела от ужаса.

- Я всё равно сделаю, как хочу. - Его дыхание обжигает лицо, пахнет мятой и чем-то металлическим, злостью, навверное. Он наклоняется ближе, и я вижу, как дрожит жилка на его шее.

- Слушай сюда. Я лично займусь вами. квартира. Все необходимое — школа для сына...

При последних словах он специально делает паузу, наслаждаясь тем, как у меня расширяются зрачки. Я чувствую, как подкатывает тошнота.

- Что тебе это дает? Просто объясни. - произношу шепотом, смахивая слезы.

Он резко отворачивается, будто не в силах смотреть на моё лицо, громко сглатывает. Потом снова поворачивается, и его взгляд прожигает меня насквозь:

- Я не знаю Алеся... Хочу узнать вас поближе.

"Нет..." — вырывается у меня.

- Только не это... Разве нет другого варианта? Оставить нас в покое.

Звучит так жалко, что мне самой противно. Он задумывается на секунду, изучая моё лицо, потом вдруг расстёгивает мою куртку. Я пытаюсь вырваться, но он легко прижимает мои руки к стене.

Он долго рассматривает меня, и от этого взгляда по спине бегут мурашки. Его глаза - темные, нечитаемые. Боже, что он задумал? В груди сжимается ледяной ком страха.

Внезапно его пальцы смыкаются вокруг моей кисти - крепко, почти болезненно. Я едва успеваю вдохнуть, как он уже тянет меня за собой, быстрым, решительным шагом. Мои ноги едва поспевают, я спотыкаюсь о неровности асфальта, но его хватка не ослабевает.

- Куда?! — паника сжимает горло.

Он не отвечает, просто тянет меня к своему внедорожнику. Я упираюсь, царапаю ему руку, но его хватка только крепчает.

- Остановись! Что ты делаешь?!

Он молча открывает дверцу.

- Поедем в гостиницу. Кое что-то проверим. - и этот гад сейчас так спокоен?!

- Нет! Пусти! — на этот раз я кричу по-настоящему, бью его кулаками в грудь, но он просто подхватывает меня на руки и заталкивает в салон.

Он буквально швырнул меня в салон машины. Я ударилась о кожаную обивку, в глазах потемнело от резкой боли. Еще секунда - и Марат должен был зайти следом, но...

Все произошло за доли мгновения.

Черная тень - стремительная, яростная - сбила его с ног прежде, чем он успел сделать шаг. Удар был настолько мощным, что Марата буквально отбросило на несколько метров.

"Боже, только не это... Демьян!" - мое сердце остановилось.

Я выскочила из машины, цепляясь дрожащими руками за дверь. Передо мной разворачивалась сцена, от которой кровь стыла в жилах...

"Простите за этот клиффхэнгер! ## Впереди — две горячие главы, ведь никто не отменял... секс Марата. ##

Скоро в игру вступит его семья — и тогда всё завертится с бешеной скоростью! ## Поверьте, сюжет рванёт так, что вы не успеете перевести дыхание.

Спасибо, что остаётесь! Кто ещё не подписан — welcome на страницу, самое интересное только начинается! ##" воскресенье выходной, встречаемся в понедельник

Глава 13 Алеся

Сердце останавливается. Мой Демьян, всей своей яростью бросается на Марата, валит его на асфальт. Удар звонкий, точный. Кровь сразу выступает на скуле.

- Мама, отойди! — рычит он, голос ломается на высокой ноте. Лицо искажено злостью, какой я никогда не видела. - Я его убью! Я ему всё-то щас разьебу, суке!

Бегу к ним, спотыкаясь — ноги ватные, в ушах звон. Боже, Марат ведь в два раза шире в плечах, его руки — как канаты... Даже навыки борьбы сыну, не помогут, если он разозлится по-настоящему.

- Марат, не трогай его! — хватаю Демьяна за плечи, пытаюсь оттащить. Но Марат уже поднимается — легко, будто того удара и не было. Одним движением заламывает Демке руку за спину — профессионально, без лишней силы, но так, что сын сразу замирает, скрипя зубами.

- Отпусти, тварь! — Демьян брыкается, пытается ударить ногой. Щеки горят, в глазах, чистая ненависть. - Ты её тронешь, я тебя зарежу, слышишь, падла? Зарежу ночью, когда спать будешь!

- Тише, щеночек... Кулаки-то береги. Видишь, в асфальт уже врезался? — Марат лишь прижимает его крепче, голос странно мягкий, пальцем проводит по его сбитым костяшкам.

Даже когда кровь стекает ему на шею, он просто придерживает моего сына — аккуратно, но неотвратно, как взрослый держит разбушевавшегося ребенка.

Я бросаюсь на него, кулаки мои беспомощно бьют по спине Марата — твердой, как броня.

- Не смей ему вредить! Отпусти! Сейчас же! — голос рвется от ужаса. Каждый удар по его плечам отдается болью в моих костяшках, но я не останавливаюсь.

Марат вдруг разжимает хватку и слегка отталкивает Дему от себя, будто боится, что его собственное тело может среагировать на угрозу.

- Ну ничего себе, щеночек... Ты меня удивил, — в его голосе странная смесь восхищения и цинизма.

Он вытирает кровь с подбородка, не сводя с нас холодных глаз. Мы с Демом прижимаемся друг к другу, дышим часто-часто — два перепуганных сердца против этого каменного исполина.

- Ничего, щеночек, мама обработает, — Марат проводит пальцем по царапине, а его взгляд скользит по мне, обжигающе медленный. Я чувствую, как кровь приливает к щекам — мерзко, унижительно, особенно перед сыном. Я должна быть его защитой, а не...

- Я тебя ножом обработаю, сука! — Демьян плюется в его сторону, пытаюсь вырваться из-за моей спины. Его голос звенит подростковой яростью, но Марат лишь усмехается.

- Тише-тише, щеночек. Молодец, мать защитил, — он де-

лает паузу, и следующая фраза режет как нож: - Но от меня ее защищать не надо. Я не чужой.

Я вжимаюсь в Дему, преграждая путь.

- Все, Марат, хватит! Уезжай! — мой взгляд должен передать все: ярость, страх, мольбу, что бы не смел при ребенке.

Но Марат делает шаг вперед, показывая на свою сбитую скулу. Кровь по шее — театрально, нарочито.

- Смотри, что твой сын наделал, — и этот двухметровый атлет, способный одним ударом положить пятерых, вдруг смотрит на меня... как мальчишка. Жалуется. Требует внимания. Мерзавец.

За моей спиной Демьян скрипит зубами.

Марат медленно проводит пальцем по кровавой царапине, не сводя с меня глаз. Его губы искривляются в опасной полуулыбке.

- Ну что, Алесья... Ты же работаешь? — голос нарочито громкий, чтобы Демьян точно расслышал. — Как в старые времена, помнишь?

Мои ноги подкашиваются. Он намеренно играет на глазах у сына, намеренно бросает эти фразы с двойным дном. Каждое слово — как пощечина.

- Я тебя ненавижу!! — Демьян бросается вперед, но я ловлю его за плечи, чувствуя, как дрожит его каменное тело.

Марат лишь усмехается, поправляя манжет рубашки:

- Щеночек. Твоя мама... она же всегда жалела меня, когда я приходил с царапинами.

Он делает паузу, давая словам повиснуть в воздухе. Мой желудок сжимается в комок, он намекает на то, как я "обработывала" его раны пятнадцать лет назад, когда мы были вместе. На то, как потом это перерастало в нечто большее...

-Особенно... тщательно, — Марат намеренно облизывает окровавленный палец, глядя мне прямо в глаза.

Демьян рвется из моих рук:

Внезапно перед нами вырастают две горы в черных костюмах — охрана Марата. Они появились бесшумно, будто из воздуха. Я даже не видела, когда он успел подать им знак?

- Мама, отойди! — Демьян резко разворачивается и накрывает меня собой, как живой щит. Его спина напряжена, руки дрожат от адреналина, но он не отступает ни на шаг.

- Только троньте её, и я вам всем морды переломаю! — он рычит подростковой бравадой, в голосе чистая, животная ярость.

Марат наслаждается моментом, скрестив руки на груди, он делает неторопливый шаг вперед, поправляя запонку:

- Успокойся, щеночек. Они здесь, чтобы ты сам себе шею не свернул. - Его взгляд скользит ко мне, и в нем читается смесь раздражения и... чего-то еще, что заставляет мое сердце бешено колотиться. - Алеся, ты ведь все поняла? Или нужно объяснить при твоём защитнике?

Демьян плюется через плечо:

- Заткнись, уёбище! Мама, не слушай его!

Один из охранников делает предупреждающий шаг впе-

ред, и мой сын инстинктивно прижимается ко мне сильнее. Мы словно загнанные зверьки с колотящимися сердцами.

- Всё, хватит! — крепко сжимаю плечи Демьяна, прижимаю к себе. — Мы уходим.

- Подойди на два слова, — Марат манит меня пальцем, не сводя холодных глаз.

- Стой здесь, — шепчу Деме, впиваясь в его плечи пальцами. Подхожу к Марату, подняв подбородок. Хочу, чтобы эта мерзкая ухмылка наконец исчезла с его лица.

Он наклоняется, и шепчет мне в губы, что бы слышно было только мне, так нагло:

- Иди успокой своего орангутанга. Потом вернешься, мы не закончили.

- Я всё сделаю... только не при нём. Не сейчас. Пожалуйста... — голос предательски дрожит. Унижаюсь.

Марат выпрямляется, громко выдыхает. Раздумывает. Потом резко хватает меня за подбородок:

- Мои звонки, ты срываешься сразу. Завтра позвоню, бросаешь всё и приезжаешь. Ясно? — шепчет он касаясь губами моего уха, — Твой сын дважды грозился меня зарезать. Свидетели есть.

Резко отталкиваю его. Он кивает в сторону Демьяна, который стоит, сжав кулаки.

- Этот уёбок тебе что угрожает, мам?! — голос Дема срывается на рык.

- Следующий раз, — Марат оскаливается, и говорит наме-

ренно громко, — привезу мыло, такой большой кусок. Вымою твой грязный рот, щеночек.

Лицо Демьяна искажает жуткая, дьявольская улыбка. Которая, ничего хорошего не означает. Это означает только одно, он задумал что то ужасное. И — о боже — Марат зеркально отвечает тем же. Два сапога пара. Меня трясет.

- Я поняла! Твои звонки, приоритет. Встретимся. Ты... закончишь,— выпаливаю, ему в лицо, бегу хватая Дема за руку. Мы бежим к подъезду.

Глава 14 Алеся

За то что меня не было 2 дня, сразу 3 главы, ничего не пропускаем, читаем внимательно))

Руки дрожат. Ничего не получается. Всё валится, будто нарочно.

В голове — вчерашний вечер. Демьян. Его глаза, полые от ярости, потом — странная, пугающая тишина. Он заперся в комнате, не ответил на мой стук, не отозвался.

"Он слишком похож на него..."

Эта мысль скребётся под кожей. Демка — он затаил злость, как Марат. Сжал кулаки и проглотил крик. А когда они это делают — это никогда не кончается хорошо.

Дзынь — смс.

Сердце замирает. Не надо. Не сейчас. Не...

"Сегодня в 19:00. Гостиница. Отказ не обсуждается.»

Кровь стучит в висках. Ладони моментально становятся липкими от пота. Нет, только не это. Не сегодня. Не после вчерашнего...

Пальцы сами набирают ответ:

"Не смогу в 19:00. Работаю в пекарне до закрытия. Дома должна быть...Если только раньше до обеда?"«

Пауза. Он же поймёт намёк? Надеюсь, поймёт.

Экран мигает: *"Пользователь печатает..."*

Вижу, как буквы появляются и исчезают. Он стирает, снова пишет... Мой живот сводит от напряжения.

Наконец:

"Тогда в 12:00.»

Господи... 12:00. Это значит — бросить пекарню на работницу.

Отвечаю коротко: *"Хорошо."*

Ответ приходит мгновенно, будто он только этого и ждал:

"В 11:30 за тобой заедет водитель."

Телефон выпадает из рук. Я закрываю лицо ладонями — горячее, влажное.

"Что я делаю?..."

Но выбора нет. Если не приду — он найдёт другой способ напомнить о себе. И на этот раз — при Демьяне.

Мерный гул двигателя. Я сижу на заднем сиденье чужой машины, пальцы бессознательно мнут край своего уродливого пиджака.

- Мы приехали, — сухо объявляет водитель.

Гляжу в окно — и дыхание перехватывает. Высоченная стеклянная башня пятизвездочного отеля сверкает на солнце. Я никогда... Никогда не была в таких местах. Ноги становятся ватными, когда выхожу из машины.

Зачем здесь? Чтобы ещё раз показать разницу между нами?

Лифт поднимается слишком быстро — живот сводит от дурноты. Двери номера открываются прежде, чем я успеваю постучать.

Марат стоит на пороге, заслоняя собой весь дверной проём. Его взгляд медленно скользит по мне — по моему потрёпанному пиджаку, собранным в хвост пшеничным волосам, бледному лицу без косметики.

— Заходи, — он отступает, пропуская меня. Голос ровный, без эмоций.

Я протискиваюсь мимо него, стараясь не задеть. Он пахнет дорогим парфюмом и чем-то ещё — тёплым, мужским. Этот запах предательски знаком, несмотря на все годы.

В номере — тишина. Я стою у входа, сжимая сумку, чувствуя себя гадким утёнком среди этого мраморного и хрустального великолепия. Он закрывает дверь и поворачивается ко мне.

Разница между нами кажется теперь ещё более чудовищной: он — высокий, идеально сложенный, в безупречном костюме; я — маленькая, худая, в своей старой одежде. Как будто мы из разных вселенных.

Красивый дьявол, — мелькает мысль, когда он проходит мимо, и я ловлю отблеск золотисто карих глаз. Но это только внешняя оболочка. Внутри — всё та же гниль, та же жестокость.

— Садись, — указывает он на диван. Его голос звучит странно, не зло, но и не добро. Просто констатация факта.

Я остаюсь стоять. Лучше быть готовой к бегству.

Марат вздыхает, проводит рукой по лицу:

— Раздевайся. — низкий, хриплый рык, будто сквозь стиснутые зубы.

Мир на секунду останавливается. Эти два слома бьют по сознанию, как обухом по голове. Воздух перехватывает, в ушах — белый шум. Я застываю, ощущая, как ледяная волна страха растекается от макушки до кончиков пальцев.

— Раздевайся, — повторяет он, и теперь в голосе слышится опасное напряжение.

Я отворачиваюсь, чувствуя, как по щекам катятся предательские слёзы. Губы дрожат так сильно...

— Я не хочу... — шёпотом выдавливаю из себя.

— Я тоже не хочу, — он резко проводит рукой по лицу. — Но это надо сделать. Иначе я не понимаю, что со мной происходит.

— А ты думаешь только о своих чувствах! — голос срывается на высокой ноте.

— Где уж мне думать о других, — его смех звучит горько. — Хочу проверить... Может, тогда успокоюсь. Отстану от тебя.

— Если я это сделаю... один раз. И всё. Ты исчезнешь. Навсегда?

Он молчит. Только губы сжимаются в тонкую полоску.

— Раздевайся.

Минута. Две. Дрожащими пальцами начинаю расстёги-

вать пуговицы. Он не помогает, просто стоит и смотрит. Его взгляд — тёмный, голодный — обжигает кожу.

Когда снимаю последнее, он резко подходит, срывает резинку с волос. Локоны рассыпаются по плечам.

— Такая же... — его голос звучит странно, почти нежно. — Совсем не изменилась.

Его пальцы скользят вниз по коже, цепляются за резинку трусов. Спускает их - и замирает.

Полоска кесарева.

Брови сходятся, взгляд становится тяжёлым. Проводит пальцем по шраму - и мое тело содрогается. Это прикосновение, будто нож, снова режет живую плоть.

Он молчит. А я не дышит.

Между нами внезапно вырастает целая жизнь, которой не было.

Глаза Марата вспыхивают чем-то опасным.

Он резко стягивает с меня последнюю защиту – трусики – и я инстинктивно пытаюсь прикрыться руками. Но его смуглая ладонь грубо отбрасывает мои пальцы в сторону.

- Не прячься, – звучит ехидно, пока он изучает мое тело. Взгляд скользит вниз, и я чувствую, как кровь приливает к лицу от стыда. Его пальцы впиваются в лобковые волосы, резко дёргают – острая боль заставляет меня вскрикнуть. Слезы сами катятся по щекам.

- Помню, для меня ты всегда была гладкой, – он наклоняется ближе, его дыхание обжигает кожу. – Кто это тебя так

изуродовал? Нашёлся любитель мохнатых?

Я не выдерживаю – в приступе ярости вцепляюсь зубами в его шею. Кровь сразу наполняет рот – медная, тёплая. Он рычит, как раненый зверь, громко, на всю комнату: - А-а-аргх!

Следующее, что я понимаю – он подхватывает меня, как пушинку, и швыряет на кровать. Я даже отскочить не успеваю – всё происходит слишком быстро. Он не раздевается, просто рвёт на себе рубашку – пуговицы летят в разные стороны с глухими щелчками.

Передо мной уже не человек – какое-то мифическое чудовище. Смуглое, мускулистое, с горящими глазами. Я пытаюсь отползти, но его ладонь – широкая, грубая – хватает меня за талию и притягивает обратно.

Звук расстёгивающегося ремня, ширинки – каждый щелчок заставляет моё сердце бешено колотиться. Адреналин такой, что кажется, вот-вот потеряю сознание.

Когда он освобождает свой член – огромный, с набухшей красной головкой – я невольно сжимаюсь. 15 лет никого... 15 лет запретов... И вот он – первый за все эти годы.

Он рвёт упаковку презерватива зубами, рычит:

- Не двигайся, Алесь. Не зли меня. Я всё равно это сделаю.

Голос не его – низкий, хриплый, из глубины глотки. Натягивает презерватив с трудом – кряхтит, хмурится. Видит мой испуганный взгляд:

- Да, тебе будет больно.

Глава 15 Алеся

Его пальцы скользят между моих ног, нащупывают уже набухшие, предательски мокрые складки. Я зажмуриваюсь, но всё равно вижу его лицо — довольное, хищное, с той же дьявольской усмешкой.

- Ну ты и шлюха... Уже течёт, — он хрипло смеётся, и в этот момент я ненавижу себя ещё сильнее, чем его.

Пальцы резко входят в меня, растягивая — я вздрагива

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.